

№4, с. 67-83; Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., Логос, 2003 (сборник статей, лекций и докладов 1997-1998 гг.); Валлерстайн И. Мир, в который мы вступаем: 2000-2050. (Сокращённый вариант доклада в Люксембургском институте европейских и международных исследований). Россия и современный мир. М., 2001, №1, с. 64-75; Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. М., Территория будущего, 2006; Валлерстайн И. После либерализма. М.,

Едиториал УРСС, 2003; Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М., Территория будущего, 2006; Арриги Дж. Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век. М., Институт общественного проектирования, 2009.

И.Л. Гапонцев

Г.В. Лебедева

ПАМЯТЬ

Память – практика удержания прошлого в настоящем, направленная на конструирование социокультурного пространства и времени, смысл которой задается различием воспоминания и забвения.

П. связана с дифференциацией прошлого и будущего; она определяется этим различием, не соотносясь исключительно с прошлым (М. Хальбвакс, Н. Луман).

Образы прошлого, репрезентируемого П., конструируются и заново воссоздаются во взаимодействии людей.

П., в качестве инкорпорированной истории, связана с понятием габитус, который придает практикам воспоминания и забывания согласованность друг с другом (П. Бурдьё).

Особенностями мнемонических (от греч. «mnēmē» – память) практик являются:

1. *Процессуальный характер* памятования и забвения (Т. Адорно, П. Бергер, Т. Лукман). П., понимаемая как «ретроактивная проработка», перестает мыслиться как статический объект.

Прошлое существует, будучи символизировано в текстуре самой памяти, поэтому мы постоянно переписываем историю и меняем версии пережитого прошлого.

2. *Направленность на конструирование прошлого.* Прошлое является конструкцией, формируемой духовными потребностями и контекстом данного настоящего.

Нет памяти, способной удержать прошлое как таковое; от прошлого остается только то, что общество в ту или иную эпоху способно воссоздать в своих нынешних референциальных рамках (М. Хальбвакс).

Не существует прошлого так такового, оно возникает благодаря обращенности к нему,

посредством воспоминания и забвения (Я. и А. Ассман).

3. *Децентрализация и множественность форм памяти.*

Память выступает в качестве основания тождества личности, что напрямую связывает ее с проблемами персональной идентичности.

Выделение форм П. находится в тесной связи со способами обретения идентичностей в социокультурном пространстве: «культурная память» (Я. и А. Ассман), «автобиографическая память» (В.А. Подорога, Е.Г. Трубина), «коллективная память» (М. Хальбвакс), «соперничающая»/«контр-память» (М. Фуко), «дрейфующая память» (Ж. Деррида), «коммуникативная память» (Н. Луман), «мужская/женская память» (Н.Л. Пушкарёва) и др.;

4. *Реабилитация забвения.*

В осмыслении оппозиции «воспоминание-забвение» происходит смещение акцентов в сторону забвения (Ф. Ницше, З. Фрейд), а затем разрушение подобного противопоставления и утверждение забвения в структуре самого «следа памяти» (Ж. Лакан, Ж. Деррида, С. Жижек).

5. *Участие в регулировании и распределении властных отношений.*

Обращение к истории дискурса, которую М. Фуко противопоставлял истории идей, позволило выйти на новый уровень осмысления П.: помимо памяти-архива вводится понятие «контр-памяти», переживаемой как разрыв, дисконтинуальность.

В контексте рассмотрения П. как дискурсивной практики особое внимание уделяется соотношению персональных и коллективных форм П., П. и истории (П. Рикер), П. и власти (М. Фуко).

П. о прошлом может быть формой не только обоснования, но и сопротивления настоящему; ее перспективы, исключенные из горизонта повседневности, не просто забываются или вытесняются.

Они образуют задний план, который сохраняется в качестве «непроявленного прошлого», «техник умолчания» (Н. Луман), «симптома» (Ж. Лакан, С. Жижек).

Такая система диспозиций в определении П. как дискурсивной практики: прошлое, смысл которого конструируется в настоящем; интериоризация внешних форм памяти посредством мнемонических практик, — позволяет избежать четкого противопоставления между коммуникативным и выходящими за пределы человеческой коммуникации смыслами, внешним и внутренним, персональным и коллективным.

Литература:

1. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. — М., 2004. — 328с.
2. Адорно Т. Что означает «проработка прошлого». // Неприкосновенный запас, 2005, № 2-3.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. — М., 1995. — 323 с.
4. Бурдьё П. Практический смысл. — СПб., 2001. — 562с.
5. Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы. // Неприкосновенный запас, 2005, № 2-3.
6. Луман Н. Реальность массмедиа. — М., 2005. — 256с.
7. Рикер П. Память, история, забвение. — М., 2004. — 728с.
8. Трубина Е.Г. Рассказанное Я: отпечатки голоса. — Екатеринбург, 2002. — 272с.
9. Фуко М. Археология знания. — Киев, 1996. — 208с.
10. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. — М., 2007. — 348с.

Г.В. Лебедева

Е.В. Белоглазова (Санкт-Петербург)

ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ

Интердискурс(ив)ность. Впервые понятие *интердискурса* ввел М. Пешё, понимая под ним «сложное целое» дискурсивной формации и «комплекса идеологических формаций», скрывающихся за прозрачностью дискурса. *Интердискурс* в концепции Пешё оказывается тесно связанным, фактически взаимозаменяемым с понятием *преконструкта* — совокупности предшествующих дискурсов, выступающих как «сырье» для нового дискурса. Обусловленный преконструктом, любой дискурс неизбежно является интердискурсом (Пешё 1999: 266–270).

С другой стороны, *интердискурс(ив)ность* тесно переплетается с *интрадискурс(ив)ностью*. Хотя интрадискурс(ив)ность фокусирует отношения между высказываниями внутри дискурса, а интердискурс(ив)ность — его обусловленность внешними факторами, граница между ними остается достаточно размытой, т.к. «невозможно ... отделить интрадискурсивность от интердискурсивности, поскольку отношение к «другому» является разновидностью отношения к самому себе, которое никогда не может быть абсолютно замкнутым» (Серио 1999: 30).

Итак, преконструкт, интрадискурс и интердискурс являются аспектами сущности дискурса, который мыслится в неразрывной связи с уже сказанным, еще невысказанным, т.е. в различного рода диалогических отношениях, растворяясь в них. Это раннее широкое понимание можно назвать радикальным, т.к. оно стирает грань между дискурсом и интердискурсом, опустошая разом оба понятия.

Радикальному подходу противостоит узкая концепция маркированной интердискурс(ив)ности, материализующейся в текстах в виде конкретных сигналов — элементов, отсылающих к разным специальным дискурсам (Чернявская 2007; Link, Link-Heer 1990).

В последнее десятилетие понятие *интердискурс(ив)ность* достаточно основательно вошло в терминологический аппарат лингвистики, хотя о сформированности устоявшегося понимания речи пока нет. Среди наметившихся тенденций отметим, прежде всего, попытку свести интердискурс(ив)ность к другим лингвистическим категориям — дискурс(ив)ности